Света Нахимберг
Верие

Света Нахимберг

Верие

«Издательские решения»

Нахимберг С.

Верие / С. Нахимберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904575-1

Сколько неожиданных бед и испытаний выпадает на человека. Преодолеть всё может только тот, у кого «за спиной» есть надёжный тыл, а это любимые и родные люди-единомышленники. Иногда брошенное в пылу негодования слово так разрушает построенное за много лет «здание», но только вовремя сделанное признание своей неправоты восстанавливает созданное годами…

ISBN 978-5-44-904575-1

© Нахимберг С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1 6
Часть 2 10
Часть 3 15
Часть 4 20
Часть 5 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Верие

Света Нахимберг

Дизайнер обложки Илья Сергеевич Гончаров

© Света Нахимберг, 2018
© Илья Сергеевич Гончаров, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-4575-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Маленький военный городок, где все знают всех, но дружат не со всеми: ведь найти истинного Друга не так-то просто. Гарантированное обеспечение квартирами со всеми удобствами привлекало семьи офицеров и прапорщиков использовать все возможные связи, чтобы перевестись сюда: это была Западная Украина, прекрасное место жительства, тепло, много фруктов и грибные леса прямо у КПП – выхода из городка. Жила там вполне благополучная семья: муж-начальник тыла, полковник, жена – библиотечный работник, со специальным высшим образованием. Она настолько грамотно подходила к потребностям читателей, получив от них заказ с определённой темой (а в те времена офицеры так много писали по ночам в большие общие тетради весь материал к следующим политзанятиям), подбирала необходимую литературу, тем самым даря своим читателям время на общение с семьями. Население в основном было молодое, детей рожали в соседнем городе, но малышей было много. Не было в городке молочной кухни, так что молодые мамаши пользовались для кормления тем, что дал им Господь – грудным молоком, вовремя вводили прикормы: ведь обилие овощей и фруктов не ограничивало их фантазий, чтобы их малыши получали полноценное питание. Тем, у кого было недостаточно своего молочка, с ними делились «молочные» мамочки, сцеживали в стерильную посуду «излишки» и помогали кормить нуждающихся. А ведь чем больше отдаёшь, тем более прибудет – так и получалось. Никто, практически, не закрывал двери, все знали, что ключи лежат под ковриком, ни разу не было каких-либо пропаж, забирали только сцеженное молочко. Был покой и порядок в городке, хорошо жили! В семье полковника была пятилетняя девочка, уж с её-то питанием проблем не было. Всем военнослужащим выдавали ежемесячно продовольственные пайки, так что в магазине покупали только вкусности и то, чего не хватало для приготовления семейного фирменного блюда. Анна Егоровна с утра водила Настеньку (дочь) в детский сад, а потом на работу. Там её ждали горы литературы, заказанные читателями.

В городок приехал молодой капитан – политработник. У него была хорошая перспектива роста по служебной лестнице: в политотделе работали высокие чины, которые дорабатывали до положенной выслуги лет и выходили в запас, освобождая место молодым. Он был прилежным читателем, иногда подолгу засиживался в читальном зале библиотеки. Анна Егоровна настолько доверяла ему, что по вечерам оставляла библиотеку, чтобы забрать вовремя дочь из детского сада. Они приходили вдвоём, Анна Егоровна давала ей чистые листочки бумаги, цветные карандаши и редкие в то время фломастеры. Настенька тихонько сидела за столом читального зала и с удовольствием рисовала домики, цветочки, разные удивительные «буквы», значение которых знала только она. Когда Анна Егоровна подходила к ней, Настенька шепотом (она знала, что здесь шуметь нельзя), но эмоции брали верх, она взахлёб рассказывала маме, что же у неё нарисовано. Анна Егоровна прятала улыбку, любуясь дочерью. Однажды, поздним вечером капитан-политработник обратился к ней с просьбой познакомить его с малышкой. Настенька услышала его обращение к маме, громко, на весь читальный зал, в котором уже никого кроме них не было, сказала: «Меня зовут Анастасия! Мамочка зовёт меня Настенькой, а папа – Настёной! А Ваше имя?» «Владимир, мне очень приятно познакомиться с тобой!» Анна Егоровна удивилась смелости дочери. Владимир предложил проводить их до дома, сам он жил в офицерском общежитии, но ведь городок так мал, что всё было рядом. По дороге к дому Анны Егоровны надо было проходить через «мосток», который позволял не обходить теплотрассу. Анна Егоровна всегда ходила в туфлях на высоком каблуке, поэтому переводить дочь через теплотрассу было некоторым препятствием. Владимир взял на руки Настеньку: «Анастасия! Можно Вам помочь?». Девочка кивнула головой и уютно устроилась на руках Владимира. Он проводил их до дома, а сам отправился в общежитие. Неся девочку на руках, Вла-

димир почувствовал тёплые чувства к маленькому беспомощному тельцу, которая ухватилась за его шею, полностью доверяя этому доброму дяде. Когда она переходила с мамой через теплотрассу, мама на высоких каблуках очень старалась встать на металлическую ступеньку. Впереди шла Настенька и мама придерживала её рукой за одежду, во второй руке была дамская сумочка. Теперь они стали ходить домой вместе с Владимиром, он иногда рассказывал Анне Егоровне о своей жизни, она молча слушала его, а сердце всё больше прикипало к этому «мальчику» – Анна Егоровна была на семь лет старше. Любовь к мужу давно прошла – это происходило не сразу, просто у мужа на первом месте была служба, а общение с семьёй по остаточному принципу. А ведь Анна Егоровна была хороша собой, всегда с тщательной модной причёской, одевалась она каждый день в новом сочетании нарядов, всё подобрано с хорошим вкусом. Владимир оказывал ей особые знаки внимания, иногда он, с её разрешения, брал её под руку, для Анны это были горячие прикосновения. Теперь она с особым настроением шла в библиотеку, надеясь, что придёт Владимир. Он «лишал» себя обеда и в это короткое время старался заглянуть в библиотеку и спросить её о здоровье, как поживает Настенька, это были слова – прикрытие истинным чувствам. Когда он приходил готовиться к следующему занятию по Марксистско-Ленинской подготовке, они имели возможность побыть рядом, как оказалось, это были для них обоих счастливые мгновения: без слов было понятно, что это очень желанное обоим время. Анна Егоровна боялась обмолвиться о своём отношении к Владимиру. А во взгляде Владимира читалось его отношение к Анне. В одну из «служебных» встреч первым начал Владимир: Анна подавала ему подобранную литературу и Владимир начал целовать её руки. Сердце Анны млело от счастья, но она старалась убрать руки и молча отходила от Владимира. Владимир делал вид, что записывает конспект, когда кто-то приходил в библиотеку, чтобы своими горячими взглядами в сторону Анны Егоровны, не выдать своих чувств об отношении Владимира к Анне Егоровне.

Прошло несколько месяцев их тёплых отношений друг к другу. Однажды Владимир пришел в библиотеку с красивым букетом цветов и маленькой бархатной коробочкой. Он подошел к Анне Егоровне, протянул ей букет и, подавая ей бархатную коробочку, попросил её руки. Анна Егоровна зарделась, как девочка. «Ты ведь знаешь, что я замужем. Я не могу принять твоего предложения!». А сердце пело, не смотря на произносимые слова. Владимир, видя её смущение, сказал: «Ты ведь не любишь своего мужа! Скажи ему откровенно о разводе». «Владимир! Я не представляю реакцию мужа на мои слова. Он ведь может забрать Настеньку: его материальное положение гораздо лучше, чем у тебя. Да и не поверит он моим словам!» Владимир предложил всё объяснить мужу Анны вместе. Анна удивилась его смелости. Он попросил принять кольцо и надеть его на пальчик, пусть это послужит серьёзностью намерений. Анна Егоровна не знала, когда придёт муж со службы сегодня. «А мы подождём! Сходим вместе за Анастасией в детский сад и втроём будем его ждать! Как ты думаешь, она хорошо ко мне относится?» «Да! Она часто заводит разговор о тебе, когда ты долго не приходишь. Думаю, что это не зря, она очень привязалась к тебе!» Впервые Владимир вошел в дом Анны. Настенька села в своей комнате рисовать, мужа ещё не было. Анна Егоровна и Владимир смотрели друг на друга и молчали. Анна была напряжена, как струна. В голове была одна мысль: «Что же сейчас будет?» Владимир, узнав, что ужин не готов, пригласил Анну на кухню, одел кухонный фартук, открыл холодильник: «Давай сделаем омлет с ветчиной? В вашей семье любят омлет?». Анна промолчала: для неё видеть Владимира в домашнем фартуке было удивительно, он показался ей таким родным, он был «на своём месте». Владимир активно занялся приготовлением омлета с ветчиной. Анна Егоровна сидела на табуретке и с большим удовлетворением любовалась им. Она даже, как будто, забыла, что сейчас должен прийти муж. К ней вышла Настенька, показала рисунок и рассказала, кто есть кто. На рисунке были три человека: над каждым «человечком» была подпись, только один человек не был подписан, ведь Анна Егоровна научила её писать некоторые буквы, «мама», «я», а вот третьего человечка она не под-

писала, просила написать имя «Владимир» – для неё это было пока не доступно. Она показала рукой на Владимира. Анна Егоровна удивилась, что всё решила дочь! Она красивыми буквами написала «Владимир», Настенька радостно вышла в свою комнату: она хотела нарисовать большой красивый букет – это было ей по силам, самая любимая тема для рисования, а ещё домики. Через некоторое время послышалось открывание входной двери, вошел муж. Он снял шинель в прихожей и прошел на кухню: так он привык, он приходил и звал: «Анна! Ужин!» Никогда он не спрашивал жену и дочь о самочувствии, вымыв руки, садился за стол и ждал, когда жена подаст всё, что надо. Но сегодня, войдя в кухню, его удивило, что в Анином фартуке у плиты стоит посторонний мужчина. Он всмотрелся в офицера, узнал в нём капитана из политотдела. «Что он здесь делает?» Он посмотрел на Анну, которая сидела у стола и молчала. Владимир, увидев полковника, поприветствовал его и сказал: «Добрый вечер! Мы с Анной Егоровной решили пожениться. О Настеньке не беспокойтесь. Вам не придётся платить алименты, я её удочерю! Меня зовут Владимир!» Муж Анны Егоровны придвинул к себе табурет и мысли в голове никак не могли прийти в порядок. Ведь они мирно жили, Анна Егоровна была для него хорошей женой, соответствовала его запросам. Никто из них не заводил слов о разводе, его всё всегда устраивало. Анна Егоровна, взглянула на мужа: «Я не люблю тебя, да и ты не отличаешься особым тёплым отношением ко мне! Нам надо разойтись!» Владимир внутренне был очень доволен, что Анна сама произнесла самое главное! Из комнаты вышла Настенька, принесла очередной рисунок, увидев отца, произнесла: «Здравствуй, папа!» Отец обнял девочку и спросил: «Ты знаешь этого дядю?» «Да! Это очень добрый дядя Володя, я его люблю, он всегда носит меня на руках, когда мама не может взять меня!» Эти слова подкосили полковника, главу распадающегося семейства…

Он вышел на балкон, закурил сигарету, задумался. «Уж если дочь говорит об этом человеке такие слова, ему крыть нечем!» В голове промелькнула их с Анной жизнь: почему он был к ней только потребителем, никогда не интересовался ни её, ни дочери жизнью – всё служба, он, как всегда оправдывал себя тяжелой службой. Но сегодня это не причина, чтобы сказать «нет»! Он вышел с балкона, наскоро затушив сигарету, сел на своё место и спросил: «Ужинать будем?» Владимир аккуратно разложил омлет по четырём тарелкам, подал хлебницу, сняв фартук, сел на табурет между Анной и Настенькой. Анна и Анастасия ели с удовольствием, нахваливая «повара». После ужина Анна с Владимиром убрали всё со стола, помыли посуду. Владимир отправился в общежитие. Полковник закрылся в спальной, Анна Егоровна легла спать на диван рядом с Настенькой и долго не могла уснуть: ведь муж ничего не сказал, а предстояло решить многое. Будет ли он претендовать на воспитание дочери, где им теперь жить, может быть перебраться в общежитие. Лишь бы муж, пользуясь своим служебным положением, не поспособствовал увольнению её с работы. Много было проблем, голова шла кругом, постепенно сказалось напряжение дня, Анна уснула.

Утром, как всегда, первым проснулся муж, он пошел принимать душ, а Анна готовила завтрак. Настеньку она будила только тогда, когда всё было готово. Анна проследила за дочерью, чтобы та тщательно почистила зубы, позавтракала и переоделась в аккуратную одежду для садика. Муж молча ходил по квартире. Завтракать он не стал, перекурил на балконе. Анна Егоровна мыла посуду после завтрака. Муж сел около стола и сказал: «Я перееду в общежитие, вы с дочкой оставайтесь в квартире. Если ты доверяешь этому человеку, пусть дочь живёт с вами, но только после нашего развода. Хочешь – буду платить алименты, хочешь – без исполнительного листа буду давать деньги на девочку. Конечно, суда нам не обойти, потому что у нас ребёнок, но я согласен на развод – ты права!». Выговорившись, он оделся и ушел на службу. Анна Егоровна отвела Настеньку в детский сад и пошла в библиотеку. Там она погрузилась во множество заказов литературы и периодики, переключилась на правильность исполнения заказов, чтобы не подвести своих читателей. День прошел насыщенно, Анна отвлеклась от всего, что было вчера. Приближался конец рабочего дня и всё троекратно нахлынуло в сердце: «Боже

милостивый! Покажи мне правильный путь! Могу ли я лишить дочь родного отца, но ведь с мужем дальше жить невозможно: он давно чужой нам человек, его не волнует ни моя жизнь, ни жизнь дочери. Жертвовать собой, но ради чего? Помоги, Господи!» Анна Егоровна закрыла и опечатала библиотеку и пошла за Настенькой. Сегодня она сидела одна, только нянечка пожурила Анну: «Что же Вы, мамаша, так поздно забираете девочку? Я её еле успокоила, она плакала и говорила, что теперь никому не нужна…» «Простите, пожалуйста, было очень много работы! Я постараюсь, чтобы это не повторилось! А Вам огромное спасибо, что тепло отнеслись к моей малышке!» «Да я всё равно ещё на работе: привожу в порядок ящики с игрушками, некоторые ремонтирую, зашиваю порванную одежду, ещё надо будет вытереть пыль и сделать влажную уборку». Анна ещё раз поблагодарила нянечку, и они с Настенькой пошли домой. У выхода из детского сада их ждал Владимир. Он не стал заходить в группу Настеньки, чтобы не компрометировать Анну. Они втроём пошли домой: Настенька держала их обоих за руки, иногда она говорила «прыг» и повисала на их руках, поджав ноги. Анна и Владимир поднимали руки, а Настенька визжала от наслаждения. Так дружно они дошли до дома. По дороге Анна рассказала об утреннем разговоре с мужем. «Так что муж „дал добро“ на наш с тобой брак! Ты рад?» Владимир впервые обнял её и поцеловал. Анна почувствовала искреннюю доброжелательность Владимира: значит, всё будет хорошо. Когда они вошли в квартиру, Анна сразу заметила отсутствие вещей мужа, значит, он днём заезжал в их общую квартиру и собрал свои вещи: у него была служебная машина, поэтому ему не составило труда перевезти вещи в общежитие. Начиналась новая жизнь в этой квартире. Владимир пока не перевозил свои вещи, он решил сделать это после регистрации брака с Анной.

Часть 2

Судебное заседание о разводе было назначено на ближайшее время. Анна и Владимир одновременно подали заявление о заключении их брака – зачем тянуть. Разногласий по разводу не было, это была простая формальность, Анна будет свободна от предыдущего брака. Во время судебного заседания Анна не стала настаивать на алиментах, она поверила, что бывший муж будет верен своему слову. Судья дважды повторила вопрос об алиментах, но Анна дважды подтвердила своё решение. Брак расторгли, они с Владимиром уже подали заявление на регистрацию, им по Закону дали два месяца на раздумья. Время пролетело быстро. По возможности они встречались с Владимиром. Забирали Настеньку из детского сада, шли гулять в лес, девочка радовалась красивым цветам, иногда она приносила маме гриб, чтобы убедиться, что он съедобный. Анна и Владимир тоже сквозь ветви и траву высматривали грибы и, найдя красивый съедобный гриб, они звали друг друга, чтобы показать красоту, которую создала природа. У Анны был полиэтиленовый пакет, она аккуратно складывала эти грибы. Неумолимо приближался поздний вечер, они шли домой. Анна готовила грибы в сметане, отваривала картошечку, всё это они делали совместно. Втроём садились ужинать, укладывали Настеньку спать. Владимир нежно целовал Анну, прощался до следующей встречи и уходил в общежитие. Анна готовилась к завтрашнему дню: надо было кое-что постирать, посушить, погладить. Привести в порядок волосы, чтобы на работе быть с красивой причёской, одетой со вкусом, как всегда. Она очень тосковала по Владимиру, но время регистрации брака приближалось, Анна засыпала затемно с думой о Владимире.

Однажды он пришел среди рабочего дня: «Анна! Меня переводят в Казахстан, видимо, твой бывший постарался. Нам надо ехать в ЗАГС и зарегистрировать брак. Я не могу уехать, оставив вас в неопределённом положении – мы должны быть семьёй. Ты согласна ехать со мной в Казахстан?» «Да! С тобой на край света! Сейчас закрою библиотеку и поедем в городской ЗАГС!». Там они объяснили причину перенесения срока регистрации на более ранний, работники ЗАГС пошли им навстречу. Документы у них были с собой, была проведена официальная церемония регистрации с обручальными кольцами и «разрешением» молодым поздравить друг друга и поцеловаться. Новобрачные сделали это с удовольствием, Владимиру вручили «Свидетельство о браке», из помещения ЗАГС они вышли мужем и женой. Они даже вовремя успели забрать Настеньку из детского сада, заказали такси и поехали справлять свадьбу в городское кафе. В этот день Владимир перенёс свои вещи в квартиру Анны. Теперь они муж и жена. Они мечтали, как будут жить дальше. Анне Егоровне было необходимо сдать все материальные ценности, на это требовалось время. Владимир ждал приказа о переводе, документы пришли быстро, ему надо было самолётом улететь первым, оставив Анну и Настеньку доделать всё необходимое, чтобы не оставить «хвостов» на прежнем месте жительства. Чтобы не сдавать в домоуправление квартиру, Анна Егоровна позвонила бывшему мужу и предложила ему вернуться в свой дом. Мужа устроил этот вариант, он пришел к ним с Настенькой, вручил Анне конверт с деньгами: «Когда же я увижу дочь? Желаю вам хорошо устроиться на новом месте! Если возникнут какие-то трудности, обращайся, помогу!» «Ты уже сделал всё, что мог, не подумал, как там будет жить наша дочь. Да, ничего, не мы ведь одни там будем, мы тоже справимся…» «Будет почтовый адрес, сообщи, пожалуйста, я буду высылать деньги, а это на первое время пригодится». Он снова вернулся в общежитие. Прошло несколько дней в различных хлопотах, тяжело было найти библиотекаря – это была редкая специальность среди жен офицеров и прапорщиков. Анна Егоровна сообщила Владимиру, что купила билеты на самолёт, возьмёт с собой самые необходимые вещи, остальное отправила багажом на станцию близлежащего города. Самолёт прибыл вовремя, около конвейера с багажом их встретил Владимир: для Аннушки он купил цветы, а для Настеньки – маленького мягкого мишку. Они радостно

обнялись, дождались, когда подойдёт багаж и вышли на площадь перед аэропортом. Никаких автобусов или такси не было, но Владимир договорился с кондитером из офицерской столовой, что она довезёт его семью. К аэропорту подошла грузовая машина, кондитер взяла Настеньку в кабину к себе на колени, а молодым предложила залезть в кузов. Владимир откинул борт машины, помог забраться Анне (это было не просто – она, как всегда, была в туфлях на высоких каблуках), потом залез сам, закрыл борт и постучал по кабине. Машина двинулась в степь с верблюжьими колючками, только однажды они вдалеке увидели рощицу, а остальная дорога пролегала по степи. Молодые всю дорогу целовались, в рот набирался песок (пыль с дороги), но это их не смущало, выплюнув песок, расхохотавшись, они продолжили целоваться. Оба признавались друг другу, как они соскучились. Дорога до КПП городка была не малая, 60 км. Доехав до КПП, всем пришлось выйти из машины: и из кабины, и из кузова. Дежурный проверил их документы, содержимое кузова и разрешил проехать на территорию городка. Владимир, Анна и Настенька пошли дальше пешком, багаж не был тяжелым, а от дороги «все косточки» устали, поэтому они шли и делились впечатлениями. Настенька практически всю дорогу в кабине проспала. Взрослые шли, взявшись за руки, Настеньку вела мама. Владимиру предоставили место в семейном общежитии: отдельные квартиры были дефицитными, но городок рос, строились новые дома, и у них была возможность в скором времени получить квартиру. Комната в семейном общежитии была большая, трёхместная, на втором этаже. Окно выходило на сторону озера, так приятно было видеть частичку его бирюзовой воды. На берегу был пляж, у берега была полоса песчаная, а с берега приходилось спускаться по большим валунам, древним, из какого-то ледникового периода. В озере было много рыбы разных пород: главным и преимущественным был сазан, это была уникальная порода рыбы – размером с ладошку, которую выпускали обратно, чтобы подросла, до огромных рыбин более полуметра, крупных и очень красивых, чешуя сверкала на солнце, водился судак, сом и множество других пород. Уникальность озера заключалось в том, что оно было и солёным, и пресным – перешеек разделял их вдалеке от городка. Рыбу ловили и удочками с берега, и с лодки, отплывая от берега подальше, вот где был Лов. В свободное время семейство втроём ходили на рыбалку. Это времяпрепровождение сближало их, так же, как и в лесу, они радовались найденному грибочку, так и здесь: когда у одного из них клевало, раздавался восторженный крик «клюёт!» и все бросались к удочке, Владимир медленно выводил рыбёшку на берег, вынимал из-за губы рыбки крючок, если рыбка была крупная, выпуская обратно малютку. Очень быстро они наловили целое ведро рыбы и пошли домой, чтобы заняться рыбой: что-то оставляли на уху, что-то на вкуснейшие рыбные котлетки, а часть рыбы потрошили и вывешивали её за окно сушиться, прикрывая марлей, чтобы не «обсидели» мухи. Сазан был уникальной рыбой: когда ему в тазике с водой отрезали голову с плавниками, голова плавала самостоятельно от туловища, так могло длиться очень долго, но смотреть – жутко! Владимир, позавтракав, уходил на службу, а Анна и Настенька наводили в комнате уют: на окна повесили весёленькие шторы, на тумбочки у кроватей – салфетки, они сдвинули две односпальные кровати вместе, у каждой стороны стояли тумбочки, купили настольные лампы, а Настенькину кровать отделили деревянной складной ширмой, расписанной драконами. С обратной стороны за швы в ширме Настенька прикрепляла сухие красивые цветочки, свои рисунки, картинки из детского журнала. Она учила по ним буквы: пора было готовиться в школу, время летит так быстро. Анне Егоровне предложили место в школьную библиотеку, она была маленькая, не такая, как в бывшем гарнизоне, но и это большая удача, не считая очень маленькой зарплаты, зато шел трудовой стаж. Настеньку устроить в детский сад сразу было не возможно, она некоторое время оставалась под присмотром соседки.

Так они дружно прожили более шести месяцев, наконец-то в политотделе появилось сообщение от бывшего мужа Анны Егоровны. Он написал на Владимира жалобу, что тот «разбил» их семью, увёз с собой дочь, теперь им никогда не встретиться (он, видимо,

забыл, что легко расстался с семьёй и «устроил» перспективное место службы Владимиру). На письмо политотдел должен был отреагировать, всех работников собрали на срочное совещание. Вызвали Владимира и начались расспросы: как это у него произошло, что он разрушил семью, женился на женщине старше его на семь лет с ребёнком? Владимир искренне рассказал товарищам по службе всю правду. А то, что жена старше его, не имеет никакого значения: они любят друг друга, девочка тоже не помеха – она любит его по-своему. Так что у них нормальная полноценная семья, возможно и прибавление в семействе. Собравшиеся на совещание вынужденно вынесли ему выговор с занесением в личное дело – это было ударом для Владимира, продвижения по службе он теперь долго не получит, но Любовь важнее. Придя домой, он занялся приготовлением ужина, Настенька ему помогла, как могла. Пришла Анна с работы, Владимир рассказал, как его сегодня «пропесочили» в политотделе. «Теперь мечта об Академии откладывается на неопределённый срок. Но ведь нам хорошо втроём? Я так и сказал, что Любовь важнее всего!» Анна обняла его и сказала: «Спасибо! Нам с тобой хорошо! А Академия от нас не уйдёт!» «Давайте ужинать, мы с Настенькой постарались!» Анна во время еды хвалила и Настеньку, и мужа. Ужин действительно удался! В городке было очень хорошее снабжение мясными продуктами, в городе был крупный мясокомбинат, экспедитор привозил такое разнообразие мясных продуктов: от языков до колбасы высшего сорта. Единственная проблема была с молоком, его привозили очень мало, а малышей в городке было много, его продавали только для них и офицеров, которые страдали язвой желудка. Приходилось занимать очередь пораньше, чтобы получить заветный литр молока. В общей очереди за молоком стояла и вторая жена нового командира части, семью за «аморалку» быстренько перевели с понижением в звании и без надежды на хорошую перспективу, но их связывала Любовь и совместная дочь. В городке их обоих приняли хорошо: жена не кичилась высоким званием мужа и не стыдились того, что она была обыкновенной служащей СА узла связи. Но у первой жены был папа генерал, с его слов он собирался сгноить их в этой степи. Никто никогда не слышал из уст жены командира, что ей здесь не нравится, далеко от цивилизованного города, что автобус ходит в городок и обратно всего два раза в день. Прогулки по степи не были безопасными: фаланги (пауки) и скорпионы «считали» степь своим домом. Иногда эти «хозяева» заползали даже на пятый этаж – это было не просто страшно, а очень страшно, не каждая женщина была готова к такой «встрече». Подручными средствами они снимали таких гостей оттуда, куда они забрались, иногда «хозяева» оказывались на одеяле спящего ребёнка, эта картина сначала «парализовала» женщину, но забота о ребёнке побеждала страх. Жена командира была красивая женщина, но одевалась неброско, чтобы не отличаться от остальных женщин городка. Все одевались из магазина «Военторг»: один раз в неделю приезжала машина с промтоварами, по существующей очереди можно было купить холодильник – самый необходимый в этой жаркой степи. Не имея холодильника, еду надо было готовить на один раз, так как хранить оставшуюся было негде. Жена командира часто ходила к зданию штаба части, чтобы встретить папу дочки Наташеньки. Она была ещё мала, в основном во время прогулки в коляске она засыпала, но, услышав голос папы, приветливо открывала глазки и тянула к нему ручки. Многие женщины, прогуливающиеся по той же аллее, наблюдали эту милую сцену любви дочери и папы.

Анна Егоровна с Владимиром решили, что пока они не будут рожать детей: жить с детьми в семейном общежитии было трудно – одна кухня на коридор, одна душевая на три кабинки, четыре электрических плиты для приготовления пищи. Владимир согласился с аргументами Анны, решили подождать до тех пор, когда им дадут отдельную квартиру. Может быть, для кого-то это не было причиной не иметь детей, но у них пока была Настенька, Владимиру и Анне хватало общения с ней. Она была такой разносторонне заинтересованной ко всему, что её окружало, было много вопросов, порой, ни Владимир, ни Анна не могли сразу ответить на них. Но в конце концов как-то «выкручивались» и отвечали на её «мудрые» вопросы. Появилось место для Настеньки в детском саду. Анна Егоровна кормила семью завтраком, Владимира

провожала на службу, обязательным был поцелуй и «чмок» Настеньке от Владимира. Она, надо признать, звала его уже не «дядей», но просто Владимир. Анна Егоровна отводила её в детский сад, школа была рядом, она шла в библиотеку пораньше: работы (заявок от офицеров для политзанятий) было всегда много, а она привыкла очень ответственно относиться к работе. Вечером она забирала Настеньку из детсада, они шли с ней в магазин, покупали продукты на ужин и на завтрак. Шли готовить ужин, приходил Владимир, целовал своих девочек, мыл руки и они шли ужинать. Анна Егоровна у женщин в очереди в магазине узнала много новых блюд, которые можно приготовить из имеющихся в магазине продуктов. Они были вкусными, готовить их было просто, и семья с удовольствием ела. Так потихоньку шли день за днём. Настенька подросла, повзрослела. Анна научила её и читать, и писать, и считать. Настенька была готова к школе. К Празднику Владимир съездил в город и купил очень красивый букет цветов, Настенька была очень рада, что и она пойдёт в школу с цветами. Всё необходимое для школы было закуплено заранее, так что она была полностью экипирована. В гарнизоне всем офицерам, которые были свободны от дежурств и нарядов, разрешили проводить детей на торжественную линейку. Настенька услышала первый звонок и поняла, что теперь она взрослая девочка, хоть и первоклассница. Анна прослезилась, увидев настроение девочки, Владимир крепко обнял её за плечи и поздравил! Это, собственно, были первые слёзы за всё время их совместной жизни. Дети со своими классными руководителями разошлись по классам, площадь начала пустеть, Анна и Владимир разошлись по своим рабочим местам: Владимиру предстояло прочесть лекцию о международном положении жительницам городка, он был мастером таких лекций, женщины с удовольствием слушали его, лекции проводились 2 раза в месяц, поэтому мамочки с детьми по очереди ходили на лекции, оставляя под присмотром детей своим подружкам. В таких городках люди быстро становятся друзьями, ведь родственники живут очень далеко, надеяться можно только на себя, поэтому в случае крайней необходимости всех сплачивает беда или другие проблемы. Был случай, когда одна из офицерских жен, будучи беременной, перенесла преждевременные роды и потеряла много крови. Необходимо было срочное переливание в большом количестве. «Кинули» клич среди офицеров с подходящей для переливания группой крови: вызвавшихся помочь оказалось много, всех посадили в автобус и повезли в город на станцию переливания крови: спасли женщину и ребёнка, стали «единокровными» друзьями. Анна Егоровна поняла смысл анекдота: «Почему нельзя выступать на КВН офицерам: весёлые – живут в дальних гарнизонах, а находчивые – в Москве!». Да, здесь, в степном городке жили дружно, единой большой семьёй. Во время страшного случая, когда маленькая девочка облилась кипятком, переживал каждый житель, все через фельдшера узнавали, чем могут помочь. Это была беда. Среди офицеров были так называемые «студенты»: окончив высшие учебные заведения, в которых была военная кафедра, получив звание лейтенанта, их распределяли для службы в войсках, особо отличившимся по истечению времени давали возможность поступить в военную Академию, где, получив знания по профилю, им присваивали очередное воинское звание. Был среди них капитан Вершинин, который обладал удивительным даром: стоило ему сказать несколько слов, все окружающие начинали искренне и с удовольствием смеяться. До города было 60 км, автобус обычно был забит «под завязку», Вершинин усаживался на ступеньки (сидения уступали женщинам) и начинал рассказывать байки, как будто из своей жизни, но он говорил обо всём так, что без смеха слушать его было не возможно, весь автобус держался за животы. Он так скрашивал эту поездку по однообразной степи, что все не успевали понять, что они уже в городке: с таким зарядом юмора все расходились по домам и «несли» с собой хорошее настроение. Когда через длительное время у Анны Егоровны происходило что-то неприятное, она вспоминала того самого Вершинина и на душе становилось легче. «Большие чины» относились к подчиненным, как к своим младшим родственникам: если появлялась какая-то причина вмешательства начальника, никогда не было недовольства, даже в выходные и праздничные дни (официально не приёмные). Повторюсь:

жили одной большой дружной семьёй! Один день был похож на другой: работа, служба, учёба. Через год построили новый дом и семья Владимира получила двухкомнатную квартиру на втором этаже. Дом стоял среди ранее построенных, поэтому озеро, к сожалению, было не видно. Но теперь у них была роскошная лоджия, на которой они сушили выловленных рыбёшек, их тоже укутывали марлей, чтобы мухи не отложили на них личинки. Владимир продолжал читать лекции в гарнизонном Доме офицеров, Анна Егоровна работала в библиотеке, а Настенька училась. Теперь можно было задуматься о рождении второго ребёнка. Но шли месяцы, годы, забеременеть Анна Егоровна не могла. Владимир предложил ей взять отпуск без содержания и лечь на обследование. Анна прошла все обследования, в том числе и очень болезненные, женщины, прошедшие такие процедуры, могут понять Анну Егоровну, через какие муки «ада» она прошла. Результатом был выписной эпикриз: с её стороны нет проблем для зачатия ребёнка. Анна Егоровна, возвращаясь из больницы, раздумывала, как этот эпикриз показать мужу: ведь бесплодным мог оказаться Владимир, но для этого он теперь должен быть обследован. Анна нашла в настроении Владимира «окошечко» доброжелательности и ознакомила его с эпикризом. Рассказала всё, как есть. Владимир принял это «в штыки» – это была их первая серьёзная размолвка. Анна старалась тактично уговорить Владимира на обследование, в конце концов, он согласился, поехал на обследование. Сразу же ему сделали необходимые анализы. После их готовности к нему в палату пришел лечащий врач. Он держал в руках историю болезни Владимира, перелистнул её ещё раз – Владимир был в томительном ожидании «приговора» врача. Доктор сначала устно расспросил, какими болезнями он переболел в детстве. Владимир рассказал то, что помнил. «А паротит, в народе „свинка“, не перенесли? Дело в том, шанс иметь ребёнка у Вас минимальный. Но бывает Чудо и Вы сможете иметь детей. Но пока последствия перенесенного в детстве заболевания являются причиной невозможности иметь потомство, но надо надеяться!» Удручённым, Владимир вернулся в городок и продолжил работать. Он ничего определённого не сказал Анне, а она не настаивала на его откровенности. Прошло ещё несколько лет, дивизию, в которой служил Владимир, перевели на новое место дислокации в Подмосковье.

Часть 3

В гарнизоне, куда перевели дивизию, были проблемы с жильём, но, по приказу командира, расселили в новый дом, в котором ещё шли работы по коммуникациям, а газ могли подвести только при полном заселении дома. Владимиру выделили однокомнатную квартиру, не смотря на то, что у них была взрослая дочь. Они снова, исходя из имеющихся площадей, поделили квартиру на две части, теперь у них была квартира со своей кухней и ванной комнатой. К сожалению, должность заведующей библиотеки была занята и Анна Егоровна оставалась без работы. Владимир ходил на службу, Настенька ездила в школу на автобусе, так как городок только строился и школа ещё не была готова. Школьников возили из городка и обратно, в хорошую погоду это не было проблемой, а вот когда начинались снежные метели, дорогу так засыпало снегом, что перед автобусом шел бульдозер и расчищал снег. На протяжении дня бульдозер несколько раз чистил дорогу по мере накопления снега: ведь рейсовый автобус в городок не ходил, а этот «аппендицит» длиной около трёх километров приходилось идти пешком, это было не просто. Если шел налегке, то это полбеды, только ноги скользили на укатанном снегу. Иногда падали и получали «подарок» природы – ломали кто ногу, кто руку. О том, что в руках были покупки, уже не имело значения: от боли было ни до чего. Помогал всё тот же бульдозер, в очередной раз, расчищая дорогу. Дойдя до остановки, очистив дорогу, бульдозер разворачивался и по пути забирал пострадавшего, подобрав разбросанные на дороге продукты. На нём «счастливчика» довозили до санчасти. Там делали рентген, по диагнозу опытного рентгенолога, «счастливчику» накладывали гипсовую повязку, на местной «скорой» подвозили до дома, доводили до квартиры. Какая никакая помощь была оказана, а дальше как повезёт… Анна Егоровна часто ездила в город, искала работу, но никому не нужен был библиотекарь с высшим образованием. Она уж была согласна на любую подходящую работу, но и той не было. Владимир успокаивал её, что это всё временно и всё утрясётся. Анна Егоровна подсказала мужу, чтобы он написал рапорт для поступления в Академию. Однажды он пришел радостный, только что не пел от счастья. «Анечка! Мне предложили поступать в Академию, правда, на заочное отделение, но ведь это не важно?» Анна Егоровна была очень рада за Владимира: значит о его «аморальном» поведении забыли. «Володенька! Я буду тебе помогать во всём! Настенька уже взрослая, будем на сессии ездить вместе!» Всё бы ничего, но… «человек предполагает, а Бог располагает!» Пришла телеграмма от мамы Анны Егоровны, она серьёзно заболела и нуждается в уходе. Владимир, прочитав телеграмму, сказал Анне, что дороже мамы никого нет, надо ехать. «А мы с Настенькой будем ждать тебя!» Анна быстро собралась и на первом же попутном транспорте доехала до вокзала. Электричкой добралась до Москвы, дальше – поездом. Мама действительно тяжело заболела, она не смогла открыть Анне дверь, хорошо, что у Анны был свой комплект ключей от двери в квартиру. Мама лежала в спальной на своей кровати, рядом с кроватью стоял специальный столик, с помощью его можно удобно принимать пищу. Мама обрадовалась приезду дочери, они обнялись и долго плакали и от счастья встречи, и от болезни мамы… Анна Егоровна проверила холодильник, записала, что надо купить, чтобы мама полноценно питалась. Она подробно расспросила маму, как проявилась её болезнь, сразу ли оказали ей помощь. Мама подробно описала ей всё, что произошло. Теперь она может говорить, а ведь сразу она не могла даже позвать на помощь: она упала с покупками у своей входной двери, её заметила и вызвала «Скорую помощь» соседка. Приехали быстро, сделали капельницу (прежде измерив давление), позвали на помощь соседей-мужчин, чтобы снести её в «Скорую помощь». Делали всё необходимое – это инсульт, а здесь дорога каждая минута в течение первых четырёх часов после инсульта. Благодаря врачам, мама Анны начала быстро восстанавливаться, но для обслуживания она по телефону наняла сиделку, которая приходила к ней ежедневно, ставила ей капельницу, добавляла назна-

ченные врачом препараты прямо в капельницу с некоторыми промежутками по времени, сама сиделка занималась влажной уборкой, приготовлением еды, ходила в магазины и на рынок. Накормив больную, оставив на столике фрукты, она уходила. «Вот так и живу, любимая моя, единственная доченька! Я так рада, что ты приехала, но ведь это не на долго: у тебя семья, ты необходима и им тоже?» «Мамочка! Да, у меня семья, но ведь ты тоже наша семья!» Анна пошла на кухню, чтобы приготовить что-нибудь вкусненькое для мамы. Она часто звонила дочери, спрашивала у неё, как они ладят с Владимиром, та отвечала, что всё хорошо. Маму оставить надолго нельзя, но и домой надо ехать: она очень беспокоилась о дочери, в доме по сути чужой молодой мужчина, она не ревновала Владимира, её больше беспокоил переходный возраст дочери. Анна Егоровна поухаживала за мамой, её организм хорошо откликался на заботу, и мама выздоравливала: она начала самостоятельно сидеть, кушать сидя – это большое удобство для больной. При помощи дочери начала вставать у кровати, делала два-три шага и снова в кровать, уставала быстро. Когда мама смогла с ходунками ходить по комнате, Анна засобиралась в дорогу. Мама была не против её отъезда. Они тепло простились, и Анна Егоровна улетела в Москву.

Её приезду были рады и Настенька, и Володя. Он сказал, что ему надо будет уехать в Харьков для сдачи экзаменов в Академию. Это продлится ни день и даже ни неделю, так что на семейном совете решили, что Анна с Владимиром поедут в Харьков, а Настенька уже взрослая, сможет обходиться и без их присутствия. Главное было в том, что в городке открыли столовую для офицеров, повара были квалифицированные и готовили разнообразную вкусную пищу, так что Анна Егоровна оставила Настеньке достаточное количество денег для питания в столовой. Будучи у мамы, Анна Егоровна сняла со своей сберкнижки, которая находилась дома, деньги и закрыла счёт. Они с Владимиром уехали в Харьков, там им предоставили комнатку в общежитии при Академии, Анна занималась приготовлением еды, ходила в Академическую библиотеку, если у Владимира появлялись какие-то вопросы к экзаменам. Она часто звонила Настеньке, но все проблемы она решала для Владимира, а Настенька была на втором месте. Интересовалась по телефону состоянием здоровья мамы, ходит ли к ней сиделка, всё не вызывало беспокойств. Анна полностью погрузилась в тему поступления Владимира в Академию. Он был зачислен без всяких дополнительных условий на первый курс, получил пакет задания на первую сессию. Они с Анной вернулись домой. Анна заметила, что в квартире побывали посторонние люди, спросила об этом Настеньку. Та ответила, что одной ей было скучно, она приглашала в гости подружку. Она говорила Анне неправду: её навещал молодой человек, с которым она была знакома по школе, он был старше Анастасии, был серьёзным в отношениях с несовершеннолетней девочкой и слава Богу. Продолжались серые будни, Владимир часто ездил в командировки, поскольку практически все, служившие в дивизии офицеры, ездили с различными проверками, а так же для решения возникающих конфликтов в подчинённых дивизии частях, а они были практически по всей территории России. Анна очень скучала по Владимиру в его отсутствии. Больше уделяла времени дочери, но чувствовала, как они отдаляются друг от друга… Владимир, возвратившись из командировки, опять настаивал на рождении их общего ребёнка. Но беременность не наступала. Владимир стал подозревать Анну в том, что она принимает противозачаточные таблетки. Этого со стороны Анны не было, она точно знала причину, по которой не могла забеременеть. По настоянию Владимира она снова легла на обследование на предмет определения возможности забеременеть. Она прошла такие процедуры, которых не пожелаешь и врагу: боль, бессонные ночи перед предстоящим другим обследованием и невыносимые унижения для её гордой натуры. Но она терпела всё ради Владимира, чтобы он не ссылался на то, что она бесплодна. После всех обследований из стационара она вернулась домой с выписным эпикризом, в котором чёрным по белому было написано: со стороны детородных функций отклонений нет. Пришел на обед Владимир, Анна вручила ему эпикриз, Владимир прочел его, вернул Анне. «Обедать будем дома или в столовой? Мы

с Настенькой часто ходили в столовую, потому что у неё не было времени готовить, а в столовой вполне съедобная пища!» «Я приготовила и первое, второе! Не знаю, может быть не понравится, идите в столовую!» «Почему же? Ты ведь прекрасно готовишь! Я просто имел ввиду, что ты поздно приехала из больницы и у тебя не было времени на кухню…» Анна пригласила их к столу, Владимир, чтобы как-то сгладить свои слова о столовой, хвалил всё, что приготовила Анна. Он не спросил, как она проходила обследования, а жена так ждала его сочувствия и сострадания: ведь из-за него у них нет общих детей. Это очень обидело её – это был первый «звоночек» в их отношениях… Анастасия с возрастом стала совершенно неуправляемой: поздно приходила после школы домой, не говорила, где была и с кем. Анна Егоровна пыталась посоветоваться по этому поводу с Владимиром, но он сказал ей, что со всеми подростками происходят аналогичные случаи. Они периодически уезжали для сдачи экзаменов в Академию, Анастасия оставалась одна. Сердце Анны Егоровны разрывалось между мужем и дочерью. Она часто звонила своей больной маме, убеждалась в том, что за ней надлежаще ухаживала приходящая сиделка, здоровье остаётся на том же уровне… А ведь все эти обследования, нелады в семье, отчуждение дочери – всё это подрывало её здоровье, но она старалась забыть свои проблемы, лишь бы Владимир закончил Академию. Круговорот лет был таким неизбежным, много было забот и хлопот, со всем Анна Егоровна старалась справляться, не обращая внимания на своё здоровье. Она несколько раз переносила ОРВИ и грипп на ногах, не имея времени заниматься собой: всё это в последствии сказалось таким тяжелейшим состоянием, что ей пришлось по рекомендации участкового врача лечь в стационар. После сданных анализов, возможными консультациями специалистов, было выявлено, что у неё развивается очень тяжелое заболевание – деформирующий артроз. Пока суставы были в суставных «сумках», но дальше всё будет гораздо хуже. Анна Егоровна согласилась на лечение гормональными препаратами и позже очень пожалела об этом. Она продолжала ездить с Владимиром на сессии, не смотря на своё состояние здоровья: она очень дорожила браком с ним. Академию Владимир успешно закончил. Они приехали домой, узким кругом друзей отметили это событие. По окончании Академии Владимиру повысили звание, теперь он стал майором с большими перспективами по службе. Забеременеть Анне Егоровне так и не удалось, Чуда не произошло. Владимир снова ездил в длительные командировки по своему профилю работы. Каждый раз он всё больше становился менее приветливым после длительной разлуки. Анна Егоровна была огорчена ещё одним обстоятельством: после 11класса Анастасия не смогла поступить в ВУЗ, не хватило набранных баллов. Анна Егоровна утешала её, как могла, ведь на этом жизнь не кончается, в следующем году хорошенько подготовится и поступит. Годы, проведённые в степях Казахстана, напряжённая работа в поездках в Академию, непонимание и тревога за дочь, ответственность за больную маму – всё отразилось на здоровье Анны Егоровны. Она чувствовала постоянную слабость, что бы ни делала, очень быстро уставала. Беспокоили боли в суставах и во всём позвоночнике. Даром ничего не даётся. После очередной длительной командировки, Владимир возвратился совершенно чужим: не было с его стороны вопросов, как они жили без него, как чувствует себя Анна, но то, что она выглядела болезненно уставшей, он подчеркнул с особым недружелюбным тоном. Анну обуял внутренний страх, её знобило, то жар, то холод были нестерпимыми. Но она старалась держаться в своей форме: красила в яркий рыжеватый цвет волосы, следила за кожей лица и рук, пользовалась помадой в цвет окрашенных волос, причёска была безукоризненна. Даже в магазин она делала лёгкий макияж, чтобы ни у кого не вызывать сомнительного сочувствия. Обстановка в городке резко отличалась от «семейных» отношений в прежнем гарнизоне. Там был один примечательный случай: в тон чёрных кожаных перчаток и туфелек Анна покрыла голову плотным широким шарфом, закинув концы его на плечи. Навстречу ей по улице шла жена начальника штаба части. Она, волнуясь, спросила у Анны: «Анечка, детка! Что случилось? У Вас траур?» Было в её словах истинное сострадание, а не простое любопытство. «Нет-нет, дорогая! Я просто решила подобрать всё для цветовой

гармонии, у меня и цвет сумочки чёрный. Спасибо Вам, дорогая, что Вы так внимательны ко мне! Я вернусь и поменяю всё на что-нибудь „весёленькое“, чтобы больше не вызывать вопросов». Анна искренне скучала по тому городку: они с Володей любили друг друга, были близки в своих мнениях на одно и то же событие, Настеньке было хорошо, а теперь всё изменилось… Но… надо было держаться и сохранить семью. Анна Егоровна часто звонила маме, но в последние три дня мама не отвечала, Анна забеспокоилась, сердце защемило и Анна, посоветовавшись с Владимиром, полетела к маме. Всю дорогу сердце «не отпускало», она представляла самое худшее. Из Аэропорта она на такси доехала до дома. Анна открыла дверь своим ключом, вошла и начала задыхаться: в квартире стоял запах тлена, Анна, прикрыв нос платком, вошла в комнату мамы, много раз перед ней потом всплывала эта страшная картина. Мама лежала на полу, подвернув под себя руку, лицо было разбито и вокруг головы разлилась кровь. Она с криком «Мамочка!» кинулась к ней, но поднять её было невозможно. Анна поняла, что потеряла своего самого родного человека на земле. Позвонила в «Скорую» и «Милицию», а сама села на пол и горько заплакала: «Мамочка! Прости меня! Я не смогу вымолить у Бога прощения, что оставила тебя в самое тяжелое время». Слёзы застилали глаза, она едва дошла к двери, чтобы открыть замок. Быстро приехали обе службы, «Скорая» констатировала смерть, диагноз установят только после вскрытия. Участковый составил протокол со всеми подробностями со слов Анны, сомнения, что это была не насильственная смерть, не было. Анна никак не могла успокоиться, фельдшер «скорой» измерил ей давление, сказал медсестре сделать какой-то укол в вену, накапали успокоительные капли и в стакане с водой дали ей выпить. Лекарство начало действовать, криминалист закончил свою работу и разрешил увезти покойную. Они прикрыли её простынкой с кровати, чтобы не было видно лица, но сквозь материю проступили пятна крови. Анна проводила покойную до машины, из дома высыпали соседи, шептались между собой, Анна поняла, что они осуждают её. Анна и так понимала, что во всём виновата она. Она вернулась в пустую квартиру. Укол подействовал, и Анна незаметно уснула. Через некоторое время она проснулась. Сначала ничего не могла понять, почему спит на домашнем диване, огляделась вокруг, вошла в мамину комнату и всё вспомнила. Снова горько заплакала, укоряла себя в том, что оставила практически беспомощную маму на какую-то сиделку, ведь она даже не знала, кто она такая и где её искать. Как произошло такое несчастье с мамой? Пришла давняя подруга мамы, выразила Анне соболезнование, предложила свою помощь в организации похорон. Анна поблагодарила её, попросила сообщить всем, кто знал маму, может быть и они чем-то смогут помочь, ведь надо ещё и поминки заказать. Хорошим и добрым Человеком была мама Анны, пришли много знакомых, каждый делал то, что мог, Анна только отдавала им деньги, чтобы оплатить расходы по похоронам. Сама она сидела окаменевшая, не могла дойти даже до кухни. Вскоре пришла «сиделка», Анна спросила у неё, как же она оставила маму одну. «Сиделка» рассказала, что она отпросилась на три дня: в деревне заболел её ребёнок, она приехала ровно через три дня. К этому времени Анна застелила мамину кровать, отмыла кровь на полу, так что ничего не напоминало о происшедшем несчастье, кроме специфического запаха, который никак не выходил при открытых окнах и дверях балкона. Анна, поговорив с «сиделкой», сказала ей, что больше не за кем здесь ухаживать, мамы больше нет. Похоронили маму Анны рядом с мужем: он ушел из жизни более 15 лет назад. Хорошо, что Анна на месте его захоронения поставила оградку, столик с лавочкой, вместе с мамой они ходили на кладбище, поддерживали порядок на могилке отца, теперь они с мамой вместе, а помянуть их можно и без столика. На поминки пришли и знакомые Анне люди, и не знакомые: это было особое «сообщество» людей, которые ходили на все поминки, чтобы сытно поесть, они оказались «на улице» по разным причинам, получили общее «имя» Бомж, они поддерживали друг друга, но некоторые из этой группы были «собственниками» своих территорий, они туда «чужих» не пускали, иногда шли открытые «бои» за мусорные баки и свалки. Это впоследствии коснулось и России. Анна послала телеграмму Владимиру и Настеньке, что мамы-

бабушки больше нет, в городок вернётся только после девяти дней, так как надо будет помянуть маму на кладбище. Телеграмма пришла в то время, когда Анастасия жила одна: Владимир был в командировке. Она очень любила свою бабушку, долго оплакивала её уход. Анна рассчиталась за коммунальные услуги, заплатила впрок за площадь и отопление, чтобы не было проблем для продажи этой квартиры. В риэлтерскую фирму она обратилась за помощью в продаже, так как сама она должна уехать. Она оставила им свои координаты, раздала подругам мамы комнатные цветы и улетела в Москву. Она приехала домой к вечеру, Настенька была дома, увидев маму, она бросилась к ней и они вместе поплакали. Владимир приехал из командировки через несколько дней. Он выразил Анне и Анастасии соболезнование, но сколько «холода» было в его словах, Анна заплакала не только от того, что перед её глазами встал тот страшный день, но и от слов Владимира: даже, если бы он услышал весть о смерти любимой собачки, наверняка в его голосе звучало бы больше сочувствия. Анна Егоровна всё больше чувствовала охлаждение в отношениях с мужем. Из риэлтерской конторы пришло сообщение, что после нескольких осмотров квартиры, нашелся покупатель. Анне Егоровне снова пришлось лететь для совершения сделки купли-продажи. После смерти отца Анны Егоровны, мама оформила документы о передаче в собственность квартиры на имя дочери, так как квартира была кооперативная. Поэтому Анне Егоровне не надо было ждать 6 месяцев, чтобы вступить в права наследства, поэтому она могла продать квартиру. Владимир, как всегда, уехал в командировку, Настенька снова осталась одна. Покупатель давал очень низкую цену за квартиру, но Анне не оставалось выбора. Единственное о чём она попросила покупателя, так о том, чтобы они дали ей время собрать родные памятные вещи и отправить их багажом. Покупатели дали ей задаток за покупку квартиры, деньги были кстати: багаж отправить и устроить поминки – прошло 40дней со дня смерти мамы. С утра она съездила на кладбище, почистила тропинку к захоронениям, протёрла памятник отцу и крест на могиле мамы, посадила многолетние цветы, не известно, когда она ещё сможет приехать к родителям. Для поминок она наняла один из залов ближайшего кафе, после поминок она улетела домой. Анна почувствовала, что теперь она – сирота: в каком бы ни было возрасте, теряя родителей, остаёшься сиротой, больше у неё нет ни родителей, ни дома. Эти военные городки, где она с дочерью и Владимиром жила последние годы, не были её домом, там не было ни папы, ни мамы. Но это – Судьба жены офицера.

Часть 4

По приезду в городок, Анна Егоровна почувствовала себя полностью разбитой: все последние дни она держалась, а, переступив дверь квартиры, силы покинули её. Она легла на диван, не хотелось ни есть, ни пить, а какие лекарства принять она не знала, с ней такое состояние случилось впервые. Анна даже подумывала о звонке в местную амбулаторию, чтобы вызвать врача на дом. В конце концов, она так и сделала, но был уже поздний вечер и на вызов пришел дежурный фельдшер из воинской санчасти. Он измерил артериальное давление, оно было очень низким, Анна была дома одна, поэтому фельдшер сам приготовил ей крепкий сладкий чай, таблетку «Цитрамона», заставил всё выпить, а дополнительно сделал укол кофеина. Посидел у её дивана, пришла Анастасия (она гуляла с одноклассниками, зная, что дома никого нет). Фельдшер повторно измерил давление, оно несколько повысилось, сказал Анастасии, чтобы присмотрела за мамой и, если больной станет хуже, вызвать «Скорую помощь» из города. Он сделал, что смог, оказал первую помощь. Анастасия довольно спокойно отнеслась к самочувствию матери, она спросила маму, хочет ли она есть, Анна не ответила. Это не насторожило дочь, она разогрела для себя ужин, поела и включила телевизор. Анна Егоровна лежала с закрытыми глазами: оказывается, она практически потеряла сознание, страшно болела голова, она не смогла даже попросить о помощи. Наступала ночь, надо было укладываться спать, перед этим Анастасия подошла к маме и потрогала её за руку. Анна едва слышно произнесла: «Вызови скорую!». Телевизор мешал расслышать то, что произнесла мама, Анастасия переспросила её. Мама шепотом сказала: «Скорую!». Анастасия вызвала по телефону скорую, врачи приехали быстро, сделали Анне кардиограмму, измерили давление, спросили, что больная принимала до них, Анастасия рассказала, приехавший доктор сказал медсестре сделать внутривенно какие-то знакомые только им препараты. Доктор заполнял лист вызова, он что-то долго писал, Анна Егоровна после укола смогла открыть глаза и шепотом сказала, что у неё сильно болит голова и в области сердца. Доктор качнул головой и продолжил писать. Потом он попросил Анастасию расписаться в листе вызова, одеть маму потеплее и приготовить ей предметы первой необходимости, в том числе халат и тапочки. «Мы забираем её в стационар, в приёмный покой Центральной районной больницы, там они разберутся, в какое отделение её положить. Завтра с утра вам скажут». Анастасия сделала всё, как надо. Принесли носилки и положили Анну в салон скорой помощи. Анастасия осталась одна. Неизвестность беспокоила её, что же случилось с мамой? Утром она поехала в ЦРБ, узнала название отделения и поднялась на третий этаж этого же здания: мама находилась в палате интенсивной терапии. Там лежали и мужчины, и женщины, разделённые белыми простынями на одноместные отделы. Анастасия позвала маму, услышав её голос, она пошла в тот отдел, где лежала Анна. Ей была поставлена капельница, рядом находился пульт вызова помощи, голубые трубочки, по которым подавали по необходимости кислород. Было всё, что необходимо для оказания экстренной помощи. Анна попросила у неё судно, которое стояло под её кроватью: Анна стеснялась попросить его у медсестры. Капельницы ей делали непрерывно всю ночь и утро, так что жидкости скопилось много. Анастасия вынесла судно, спросив у дежурной медсестры, где находится туалет и где можно найти лечащего врача мамы. В ординаторской сидела врач и заполняла истории болезни. Анастасия обратилась к ней: «Доктор! Вы лечите мою маму?» Врач оторвалась от историй болезни: «А что Вас интересует?» «Я хотела бы узнать установленный диагноз и нет ли необходимости в каких-либо препаратах для неё, которыми Вас не обеспечивают!» «У Вашей мамы было пред инфарктное состояние и сильное истощение нервной системы. Она хронически больна деформирующим артрозом, это усугубило её состояние. С момента поступления мы сразу начали активное лечение, все необходимые препараты у нас пока есть, но в случае, если выявится ещё какое-то заболевание и у нас не окажется в нали-

чии этого препарата, мы сообщим Вам. Оставьте свой номер телефона!» Анастасия назвала номер, врач вписала его на лицевую сторону истории болезни. Анастасия вернулась к маме. Капельница «делала своё дело». Анна лежала с закрытыми глазами, Анастасия подумала, что она заснула, она поставила судно под кровать, Анна открыла глаза. «Спасибо, доченька!» Анастасия спросила маму, что ей принести из съестного, мама от всего отказалась, в это время вошла медсестра, чтобы долить в капельницу дополнительный препарат. « Вам нельзя долго находиться здесь, Ваша мама в тяжелом состоянии, ей надо поспать! А для «прилива сил», купите ей гранатовый сок, сварите куриный бульон – она должна набираться сил!» Анастасия попрощалась с мамой, сказала, что завтра навестит её.

Анастасия вернулась в городок, пошла в магазин, чтобы приготовить маме на завтра бульон, так же купила пару бутылок гранатового сока, несколько пачек галет: мама любила заедать бульон галетами. Придя домой, она увидела на вешалке в коридоре одежду Владимира. Положив покупки в холодильник, прошла в комнату. Там на диване спал Владимир. Анастасия ушла, чтобы не мешать ему, сходила почитать свежую афишу, узнать, какой фильм будут сегодня показывать в гарнизонном доме офицеров. До кино она сварила курочку, мясо перетёрла в блендере, чтобы было посытнее. Вернувшись из кино, она поужинала вместе с Владимиром. Он спросил, где Анна. Анастасия рассказала, что мама тяжело заболела, лежит в палате интенсивной терапии. «Вы не сможете её навестить? Я приготовила ей передачу, была у неё, она круглые сутки под капельницей, но ведь есть что-то надо, она и так очень слаба». «Нет! У меня отчёт по командировке, это займёт весь день. Передай ей, что приеду, когда смогу!». Анастасию передёрнуло от его безучастности, она всё-таки думала, что у них с мамой отношения тёплые…» Она ушла на кухню и заплакала от обиды за маму. Утром следующего дня подогрела бульон, перелила его в термос. В лоточек положила мясо, оно могло быть «паштетом» на галете. Анастасия поехала к маме. Та снова была с капельницей, Анастасия сама догадалась подложить маме судно, она улыбнулась в ответ, Анна стеснялась даже дочери. Анастасия выложила гостинцы, термос, пошла к медсестре, чтобы у неё попросить столик для лежачих больных. «Вы сами её покормите или Вам помочь?» «Спасибо, я попробую сама, если не получится, попрошу помощи!». Анастасия сумела покормить лежащую маму, ей пригодились салфетки, которые она привезла, мама с удовольствием попила бульона с галетами, правда, не очень много, половинку крышечки от термоса, но ведь сразу и нельзя есть много. Остальное она положила в тумбочку рядом с кроватью. Анастасия сказала ей, что там есть гранатовый сок, если захочется, попросить медсестру открыть бутылку. Выздоровление Анны было длительным, целую неделю с перерывами на ночь ей ставили капельницы, хорошо, что у Анны были хорошие вены, с этим она не мучилась: некоторым больным попыток поставить капельницу было много. Анастасия каждый день навещала Анну. Прошло шесть дней, она снова побеседовала с лечащим врачом. Доктор радушно сказала ей: « Анна Егоровна сильная и терпеливая женщина, понаблюдаем её ещё недельку, если будет удовлетворительное состояние, переведём в общую палату, ещё поколем от обострения артроза. Там будет видно, что и как, пока лечение будет таким же интенсивным!» Анастасия поблагодарила доктора и, попрощавшись с мамой, уехала домой. Она помогала, чем могла, через неделю Анну Егоровну перевели в общую восьмиместную палату, продолжали делать уколы, но она чувствовала себя намного лучше. Дочери сказала, чтобы она не ездила к ней каждый день, теперь она может себя обслуживать. В палате женщины хорошо общались, помогали, кому это было необходимо, рассказывали о своих прожитых годах, Анна Егоровна ничего не рассказывала о себе, но с удовольствием слушала других. Она ждала Владимира, но он ни разу не навестил её, снова уехал в командировку. Анастасия продолжала ездить к маме, привозила свежие вкусные продукты и сделанные своими руками котлетки, соки и компоты, конфетки. О Владимире она ничего не говорила до тех пор, пока он ни уехал в командировку, чтобы мама не ждала его. В общей палате Анне Егоровне было легче пережить отсутствие Владимира. Анастасия очень редко вспоминала своего род-

ного отца. Повзрослев, она нашла возможность связаться с ровесницей из того городка, где они жили с её родным папой. Татьяна, так звали подружку Анастасии, по телефону рассказывала о жизни в гарнизоне. Она сообщила ей, что её отец так и не женился после развода, живёт один в трёхкомнатной квартире. Сейчас, когда мама тяжело заболела, она задумала общаться с отцом. И это очень пригодилось в дальнейшем. Их семью с Владимиром ждали трагические события. Анне, по окончанию лечения в стационаре, порекомендовали обратиться к участковому врачу за направлением на ВТЭК для определения группы инвалидности, так как деформирующий артроз и ревматоидный полиартрит стремительно поражали весь организм. С таким эпикризом после выписки из стационара Анна Егоровна обратилась к лечащему терапевту. Без проблем и лишних вопросов ей дали посыльный лист, чтобы специалисты разных профилей дали своё заключение, все они подтвердили, что заболевание Анны Егоровны не позволяет ей работать. Лечащий врач заполнила графы с результатами анализов, которые были в выписном эпикризе. Заполненный посыльный лист Анна Егоровна отнесла в помещение ВТЭК (врачебно-трудовая экспертная комиссия), там её поставили в очередь. ВТЭК заседала не ежедневно, а район был очень большой, на каждом заседании собиралось несколько десятков человек. Ожидая своей очереди, Анна Егоровна занималась домашним хозяйством, Анастасия готовилась к поступлению в ВУЗ, она уходила к подруге, чтобы позвонить отцу. Тот охотно поддерживал разговоры с дочерью, а она делилась с ним своими новостями. В этот раз она рассказала отцу о своих подозрениях по поводу отношений мамы с Владимиром: она сказала, что отчим переменился во взаимоотношениях с мамой, что ей очень тревожно за маму, тем более, что теперь она выходит на инвалидность и будет материально зависеть от Владимира. Отца заинтересовало положение Анастасии, упрекает ли её, что она «сидит на его шее»? Дочь успокоила отца, что она ни в чём не нуждается, они нормально питаются, мама покупает ей модные вещички, она одевается не хуже своих подруг. Они договорились, когда снова созвонятся. Анастасия поблагодарила подругу и попросила никому не говорить об этом разговоре с отцом. Она поспешила к своим учебникам, ей очень хотелось поступить в один из столичных ВУЗов и жить в студенческом общежитии: ей доставляло много неудобств присутствие Владимира, она ведь уже взрослая девушка.

Через несколько дней произошло ожидаемое Анастасией событие: вернулся Владимир из командировки и вернулся не один, в квартиру с ним вошла женщина, ведя за руку ребёнка лет трёх-четырёх, девочку. Анастасия и Анна Егоровна обомлели, глядя на эту «троицу», они ждали от Владимира объяснений. Но он, ничуть не смущаясь, сказал: «Это Алла Петровна и её дочь Ирина. Они теперь будут жить здесь, а после нашего развода с тобой, Анна, мы с ней поженимся. Так что подумайте, где вы с Анастасией будете теперь жить!» Анна Егоровна прореагировала на эти слова довольно спокойно, она прошла в комнату и раскрыла большой кожаный чемодан. «Доченька! Собери свои вещи в пакеты, не забудь то, что лежит в ванной – нам они пригодятся, ведь на этом дне жизнь не кончается. Я пойду к приятельнице в соседний дом, у неё есть ключи от квартиры своих земляков, они переехали к новому месту службы, а с квартирой пока ничего не решили. Они предполагали её сдавать, а на эти деньги платить за съёмную квартиру, пока ни получат своё жильё». Она перед зеркалом поправила причёску, провела по губам помадой, оделась и вышла. Анастасия ходила по квартире и из разных мест брала свои и мамины вещи, аккуратно складывала их в чемодан. «Гости» и Владимир сели за кухонный стол и пили чай. Анастасия обходила их стороной, если ей надо было что-то взять на кухне, она всё делала молча, ничем не выдавая своего волнения. Анна Егоровна в это время договаривалась с приятельницей, та назвала ей сумму в месяц, которую хочет получить хозяин, Анну это устраивало, она расплатилась за месяц и получила ключи. Она медленно шла к «своему» дому, где после стольких лет счастливой, как ей казалось, жизни, всё мгновенно рухнуло, она копалась в воспоминаниях, стараясь найти причину их отчуждения. По её мнению, она делала много для того, чтобы их брак с Владимиром был счастливым. Неужели то, что он не мог

иметь своих детей, послужило поводом их разрыва? Так в чём же она-то виновата? Она прекрасно понимала, что Владимир обошелся с ней по меньшей мере не справедливо, но отчего у неё совсем нет горечи в душе, а даже наоборот: было такое состояние лёгкости, как будто она избавилась от тяжкого груза, который ей приходилось нести последние годы. Ведь было много хорошего в их отношениях, в том числе и взаимопонимания, но с «детским» вопросом всё закончилось. Анна вошла в квартиру: «гости» сидели за столом на кухне и тихо разговаривали. Девочка хотела спать, Владимир постелил ей на диване Анастасии. Анна Егоровна увидела полный чемодан вещей, рядом стояли 3 пакета, заполненных Анастасией. «Молодец, Настенька, ты хорошо справилась с заданием! Ничего не забыла? А, впрочем, это не важно! Здесь мы оставили немало лет нашей Жизни, а она гораздо дороже любых вещей! Пойдём, дорогая, у нас есть квартира!». Анастасия закрыла чемодан, взяла его и один из пакетов, два других взяла Анна. Перед этим она попросила у дочери ключи, вместе со своими ключами она молча отдала их Владимиру. Ни слёз, ни крика… Они с дочерью шли к их новому пристанищу, начинался новый этап их Жизни.

Часть 5

Срок освидетельствования ВТЭК подошел, Анна прошла комиссию, ей назначили пенсию по инвалидности, сумму начисляют в Пенсионном фонде, она отнесла для оформления пенсии все необходимые документы. Анна сходила в ЗАГС и написала заявление о разводе. Там её спросили, будут ли при этом рассматриваться имущественные вопросы. Анна сказала, что всё уже решено, суду не придётся этим заниматься. «У меня к Вам вопрос: я инвалид второй группы без права устройства на работу. Вы понимаете, что на пенсию не проживёшь. Имею ли я право потребовать алименты?» «Безусловно! Но это будет рассматриваться другим судом. Вы можете сегодня подать заявление, я покажу Вам кабинет секретаря, пойдёмте со мной!» Анна Егоровна написала ещё одно заявление, ей сказали, что извещение о дне рассмотрения ей сообщат письменно по почте. Она поблагодарила этих доброжелательных женщин за помощь. Анна Егоровна поехала в городок, там её ждала дочь. Анастасия в отсутствие матери позвонила отцу, рассказала об их приключениях за последние дни. Отец переходил на крик, когда называл имя отчима Анастасии, он так возмущался его низким поведением, что Анастасия прерывала его: « Папочка! Не надо волноваться! Не хватало ещё, чтобы ты свалился с сердечным приступом. Мама вполне спокойно отнеслась ко всему! Мне кажется, что она даже стала чувствовать себя лучше. Просто остаётся открытым вопрос, как мы будем жить на её пенсию, ведь я хочу поступить в институт, а деньги от продажи квартиры заканчиваются». Отец сказал ей, что будет высылать им деньги: он устроился на работу и теперь у него к пенсии ещё и зарплата. Анастасия назвала их новый адрес, поблагодарила папу, они договорились о следующем дне связи. Анастасия в очередной раз попросила подружку, чтобы та ни в коем случае никому не говорила о разговоре с папой. Она побежала домой, чтобы встретиться с мамой, узнать новости. Приехала Анна Егоровна, Настенька успела приготовить ужин: им было не легко привыкать к новой обстановке чужой квартиры, хорошо, что хозяева оставили немного посуды. Анна рассказала обо всех своих «достижениях» дня. Поужинав, Анастасия убрала со стола, помыла посуду и села за учебники, приближался срок сдачи экзаменов в ВУЗ. Она очень хотела, чтобы на этот раз ей повезло.

Прошло несколько недель, Анастасия принесла письмо на имя Анны, в нём находилось извещение о дате заседания Городского суда, который рассмотрит заявление о разводе Анны Егоровны с Владимиром. К этому важному событию Анна готовилась с трепетом: она ожидала очередного «плевка» от Владимира, у неё очень болела спина, но она собралась с силами и готова была к суду. Владимир приехал на заседание суда в гражданской одежде, всё было приобретено для него в период их совместной жизни с Анной Егоровной, он очень редко её одевал. Но в течение последнего года он ездил в длительные командировки с большим чемоданом, укладывал по сезону плащ из натуральной кожи, в нём он был неотразим. Анна Егоровна очень спокойно восприняла его наряд, она сидела на стуле в коридоре, ожидая вызова. Подошла их очередь, они вдвоём вошли в небольшую комнатку, где за столом сидели две женщины. По Закону им задавали поочерёдно вопросы, относящиеся к теме заседания. Они отвечали очень кратко, ни разу не посмотрев друг на друга. Анна Егоровна держалась, чтобы не дать Владимиру повода даже подумать, что она морально растоптана. Выяснив мнение сторон по всем необходимым вопросам, Суд вынес решение о расторжении их брака. Они попросили их документы, чтобы внести в них в графу «семейное положение» изменения. Для этого Анну и Владимира попросили выйти. Через некоторое время им вынесли военный билет – Владимиру, паспорт – Анне Егоровне. Их ожидала ещё одна встреча: предстояло заседание о взыскании алиментов в пользу Анны Егоровны, поскольку она, будучи женой Владимира, получила по состоянию здоровья инвалидность.

Повестка о прибытии на это заседание суда пришла буквально через неделю после развода. Анастасия уехала сдавать экзамены, на это время ей предоставили место в студенческом общежитии. Анна Егоровна была в эти дни одна, она с трудом готовила еду – сказывалось состояние суставов рук. Она изредка ходила в столовую обедать, так как готовить первые блюда было и утомительно, и для себя одной просто не хотелось. На заседание суда она прибыла вовремя и выглядела, как всегда, изысканно. Владимир приехал в форме, он выглядел уставшим, со следами недосыпания: малышка заболела, им с Аллой приходилось и ночами ухаживать за ней. Анна и Владимир не обменялись друг с другом ни словом. Вскоре их пригласили на заседание. В комнате суда сидела одна женщина-судья. Она предложила им присесть и объявила о начале процесса. Судья прочла заявление Анны Егоровны. Владимир знал о том, что Анна требует алименты, он хорошо «подготовился». Он попросил у суда слова, после разрешения, он представил судье справку о тяжелом заболевании своей мамы, которая нуждается в постоянной материальной помощи. Эта справка настолько удивила Анну, что она тоже попросила слова. Судья хмуро посмотрела на неё, но слово дала. Анна обратилась к Владимиру: «Разве у Вас есть мама? Почему же Вы никогда её не навещали? И где же она проживает?» Судья постучала молоточком и напомнила, что здесь вопросы задаёт она. Анну это оскорбило, но она взяла себя в руки и обратилась к суду: «Ни разу за все годы нашей прежней совместной жизни бывший муж не говорил о больной маме. Я сомневаюсь в достоверности предоставленной Вам справки!» Судья парировала её высказывание: «В достоверности справки у меня нет никаких сомнений, она официально заверена нотариусом по месту жительства мамы Вашего бывшего мужа!» Владимир снова попросил слова, судья благосклонно ему предоставила это право. « Дело в том, что я на днях зарегистрирую брак с женщиной, которая родила мне ребёнка. У меня на иждивение будут ещё два человека. Прошу Вас учесть этот фактор при начислении размера алиментов». Анна Егоровна просто обмерла после этих слов. В голове было только одно: какой ребёнок, ведь Владимир бесплоден? Но сказать это в суде она не могла: её обвинили бы в оговоре, ведь у неё-то нет справки, подтверждающей её слова. Кровь прилила к лицу, Анна молила Бога: только бы не потерять сознание, это будет ещё большим унижением. Владимир чувствовал себя превосходно. Он был «распорядителем» на этом «балу». Судья попросила их выйти в коридор: «Суд должен принять решение!» Они вышли из кабинета. Владимир вышел на улицу, Анна нашла туалетную комнату, над раковиной протёрла мокрым носовым платком лоб, приложила платок к горящим щекам. Анна вышла в коридор, присела на стоящий у стены стул, расслабилась, стараясь успокоиться. Владимир стоял у противоположной стены. Через несколько минут их пригласили в кабинет судьи. Она держала в руках «Постановление», в котором были ссылки на статьи Гражданского кодекса РФ с указанием размера алиментов в пользу Анны. Главное, что услышала Анна, было то, что размер алиментов установлен в фиксируемой сумме, а не в процентном отношении от размера денежного содержания Владимира, сумма была столь ничтожна, что Анна чуть не рассмеялась. «Хорошо подготовился мой бывший!» – подумала Анна Егоровна. Получив копию решения суда в секретариате, Анна спокойно поехала домой. Она знала, что всё происшедшее не главное, это не беда. Беда, когда ты звонишь по телефону родственнику или близкому человеку, а в ответ не слышишь его голоса, так несколько дней подряд-ответа нет и не у кого спросить, что же случилось… Впоследствии узнаёшь, что нет больше этого дорогого человека, ничего нельзя изменить-это беда, Анне пришлось пережить это самой ни раз: горечь утраты ничем не измерить. Так думала Анна Егоровна по дороге домой. Там её встретила Анастасия. «Мамочка! Я сдала экзамены отлично! Будем ждать решения экзаменационной комиссии, оно состоится на следующей неделе. Я думаю, что оно будет ожидаемым нами! А как у тебя дела?» Анна Егоровна обняла дочь, поддержала её в надежде о хорошем исходе. « У нас с тобой всё хорошо! Алименты будут удерживаться в мою пользу». Анна Егоровна ничего не расска-

зала о подробностях суда, низости Владимира. Анне было откровенно стыдно, что она связала Жизнь с ним, отодвинув дочь на второй план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.